1931

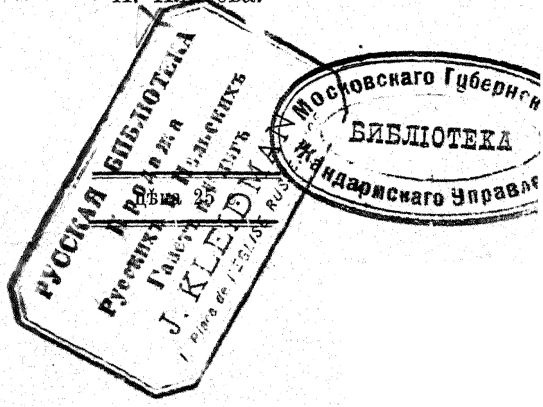
RRE ALISSOFF

Prix: 25 c.

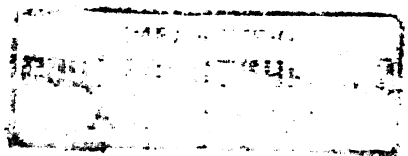
„Пров 49“,6

ФРАНКО-РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

Алисов П. Алисова.



ЛОНДОНЪ.



224535

ФРАНКО-РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

Моему пріятелю, — не разскажу при какихъ условіяхъ,—удалось снять копію съ дневника недавно умершаго, весьма значительнаго придворнаго, озаглавленнаго: „франко-русская недѣля“; нѣкоторыя частички довольно объемистаго дневника показались намъ интересными. Желчный человѣкъ слѣдилъ за Николаемъ во время его поѣздки въ Парижъ, изъ часа въ часъ, и ярко отмѣтилъ умышленно скрытое угодливой прессою.

„Въ обществѣ съ давнихъ поръ укоренилось мнѣніе, что придворные, при долгой службѣ, не отечеству, а царю, постепенно вывѣтриваютъ изъ себя все человѣческое достоинство, и на старости становятся безповоротными хамами не только на языкѣ, но и въ душѣ, что все ихъ существо потихоньку привыкаетъ, къ неразрывно связаннымъ съ дворцовой службой, нравственнымъ плевкамъ, щелчкамъ, пинкамъ въ задъ, оплеухамъ, и начинаетъ своею нечувствительностью напоминать не совсѣмъ изящный, но за то не на живую нитку сшитый, капотъ носорога. На мой взглядъ: душа не можетъ вполнѣ привыкнуть къ глубокимъ униженіямъ, какъ и извѣстная часть тѣла — вполнѣ къ розгамъ. Оплеуха, проглоченная со слащавой улыбочкой, реверансами, оплеуха неопротестованная, плохо переваривается, разстраиваетъ печень, вызываетъ обильную желчь. Только одни правители не догадываются, что менѣе всего нужно довѣрять истиннымъ дворцовымъ собакамъ, льстецамъ съ елеемъ.

Въ придворной средѣ, увы, герои не рожаются. Мы выходимъ по мѣсту рожденія, по винѣ родителей, „игрушечнаго дѣла людишками.“ Врядъ ли кто, въ наши дни, станетъ оспаривать на-

учное положеніе доктора Якоби, что скорѣе всѣхъ въ мірѣ вырождаются цари, короли, ихъ семьи, а за ними — ихъ важная челядь, въ звѣздахъ и лентахъ. Въ дворцовой службѣ чины, ордена имѣютъ свой смыслъ: ими хотятъ хоть немного искупить втаптыванья въ грязь, всевозможныя крупныя и мелкія униженія; призрачнымъ, забавнымъ, внѣшнимъ, мишурнымъ величіемъ хотятъ замаскировать внутреннюю ничтожность, полное одуреніе, опошленіе, измельчаніе. Замѣтьте психологическій законъ: чѣмъ болѣе унижается какой-нибудь обвѣшанный цацками шутъ передъ высшими, тѣмъ болѣе онъ ломается, хорохорится передъ низшими — онъ вымещаетъ испытанное на себѣ. Въ нашей средѣ зло хихикаютъ надъ подвигами самоотверженія, любви, надъ проявленіемъ высокихъ чувствъ собственнаго достоинства, надъ служеніемъ великимъ принципамъ. Настоящій лакей не можетъ выносить настоящаго человѣка. Мы стараемся подлымъ смѣхомъ глушить поднимающуюся порой совѣсть. Не имѣя возможности гоняться за сокровищами нетлѣнными, мы, поневолѣ, начинаемъ жадно гнаться за сокровищемъ не только тлѣннымъ, но и совсѣмъ смраднымъ. Мы опустошаемъ душу и взамѣнъ переполняемъ желудокъ; атрофированныя идеальныя достоинства мы наверстываемъ половыми. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро наступаетъ пресыщеніе съ пессимизмомъ, смертельной тоской, злобою, брюзжаніемъ, нытьемъ, хныканьями, болѣзнями. Убить въ себѣ вполнѣ духъ, врядъ-ли возможно. Люди бездушные, попросту — душевно-больные, неизлѣчимо больные... Духъ, нежданный, непрошенный, предъявляетъ свои суровыя права, какъ нарочно, въ минуты нашего крайняго паденія, ужасающаго опошленія; роковые вопросы: „зачѣмъ ты жилъ? для кого жилъ?“ обыкновеннно гремятъ надъ головой, низко, низко склоненной, когда жизнь вполнѣ безцѣльно изжита, когда впереди яснѣетъ только одна дорожка, до боли ясная — къ кладбищу. Оглянешься на вышученную жизнь, и муть какая-то къ горлу поднимается, мерзко тошнитъ, какъ передъ долгимъ обморокомъ. Не страшна въ эти часы смерть, навѣвающая своими сѣрыми крыльями полное забвеніе, а что и забывать? ничего важнаго серьезнаго не было, одни пустячки. Иди, иди, моя голубушка! я находка эфемерная; философски говоря: я не

рождался, потому что не жилъ, я — полный генералъ, полный живой мертвецъ; отъ моей жизни къ Нирванѣ переходъ не рѣзокъ.

Но довольно! хотя дворцовыя сферы и таятъ, порой, въ себѣ драмы, по своей мрачности по истинѣ шекспировскія, но вообще въ ней преобладаютъ оперетки Офенбаха, Барковщина.

Когда, въ минуты прояснѣнія, вспоминаю высочайшіе (развѣ только своею нелѣпостью) выходы, встрѣчи, парады и прочую дребедень, презрѣніе къ себѣ доходитъ до истомы. Подумать смѣшно, что я, въ здравомъ умѣ, участвовалъ въ смѣхотворномъ мальчишескомъ безумін... Одежда на всѣхъ нечеловѣческая, на груди понавѣшаны какія-то невозможныя цацки и не одной своей страны, но и далекихъ чужихъ націй. Людей нѣтъ, но все полные или неполные генералы, а за ними статскіе совѣтники, явные, тайные, дѣйствительные и недѣйствительные; ходятъ мало, но все ракомъ пятятся: дамы въ такихъ платьяхъ, что нужно посторонникъ за ними волочить хвостъ; на головахъ цѣлыя ноши — изъ драгоцѣнныхъ — но все же камней; рѣчь изгнана, одни удостаиванья, осчастливенья. Пословица говоритъ, что въ людяхъ и смерть красна; прибавлю, что иногда въ людяхъ красны: позоръ, шутовство, безпардонная глупость. Нѣчто сказочно нелѣпое продѣлывается важно, напыщенно, съ помованьемъ стана, съ юпитерскимъ взоромъ. Каждый, не краснѣя, сознается, что его шутомъ гороховымъ нарядили за какія-то непостижимыя услуги отечеству, а не просто никому, т. е. царю. Передъ дворцомъ самъ желтый домъ начинаетъ казаться пріютомъ разума, логики, душевнаго здоровья. И въ этомъ то притонѣ всѣхъ нечистей, изъза денегъ, я провелъ всю мою жизнь!!!

Пишу дневникъ, чтобы запечатлѣть злобу вѣчно оскорбляемой души; невысказанное, незаписанное быстро, безплодно отшипаетъ, какъ пѣна въ столь любимомъ нами шампанскомъ. Въ моемъ дневникѣ скрывать моихъ истинныхъ чувствъ я, конечно, не стану, — довольно я фиглярничалъ, безобразничалъ передъ пустозвоннымъ фетишикомъ, раздающимъ намъ земныя блага. Я уже старъ; скоро мой контрактъ съ дворцомъ, т. е. съ нечистою силою, подписанный кровью моего погибшаго сердца, будетъ порванъ смертью. Щадить сгубившаго душу мою я не стану;

если я самъ не рѣшусь, даже заграницей, подъ псевдонимомъ, напечатать мой дневникъ, то послѣ смерти за меня это сдѣлаетъ кто-нибудь изъ друзей.

Пуще прежняго заговорили карманные аппетиты. Послѣ цѣлаго ряда подвоховъ, тончайшихъ интригъ, дѣлежа будущихъ добычъ, наконецъ, рѣшили свозить Николая II въ Парижъ. Всѣхъ нашихъ въ конецъ разлакомила коронація: на всѣхъ лицахъ ярко написано: „Ахъ, кабы Богъ милосердный, щедрый, скорѣе новенькую послалъ.“ Чуется вокругъ насъ нѣчто тревожное; какъ ни замуравливаемъ всѣ отверстія, а вольный духъ отвсюду врывается съ неудержимою силою: сгнетаемъ, сгнетаемъ вокругъ насъ атмосферу и, того гляди, взлетимъ въ высь поднебесную. Нашимъ столбамъ, устоять съ ихъ нравственнымъ и умственнымъ багажемъ, при новомъ порядкѣ, мудрено. Рявкать по звѣриному передъ низшими, сладко сюсюкать передъ высшими, всѣ умѣютъ, а говорить по человѣчески — никто. Отними у нихъ деньги, стащи съ нихъ раззолоченные мундиры, блестящія цацки, и ихъ никто, за ихъ грубость и неспособность, не возьметъ въ дворники даже въ захолустный городишко. Но не въѣшься въ нихъ эта грубость, многихъ изъ нихъ, за манеры, расторопность могли бы взять въ лакеи въ лучшія гостинницы, даже Швейцаріи. По слухамъ, одинъ придворный, проворовавшійся генералъ, положительно плѣняетъ всѣхъ въ качествѣ полотера, въ одной изъ гостинницъ Люцерна, и что странно: исправился, на чай беретъ, но вещей въ номерахъ не воруетъ.

Генералъ В. прошлой ночью, послѣ двухъ бутылокъ замороженной вдовы Клико, разговорился, поддержалъ пословицу: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, напрямикъ заявилъ: „На черта намъ этотъ варёный, плюгавый воробей, если его въ оборотъ не пускать? однимъ жалованьемъ милліоны не наживешь; намъ почаще нужны: похороны, восшествія, коронаціи, путешествія, а на счетъ дрожаній, пусть, какъ покойные дѣдушка и папенька, трясется: чѣмъ болѣе будетъ трястись, тѣмъ изъ него,

какъ изъ отпертаго кошелька, будутъ намъ больше денегъ сыпаться. Безъ экстраординарныхъ доходовъ мы бы его давно похерили и дворянскую конституцію устроили, черезъ него не одно отечество, но и мы сами всюду принимаемъ одинъ позоръ и поношенія. Какъ только нужному иностранцу невполнѣ угодишь, или не очень щедро заплатишь, тотчасъ же бестія начинаетъ подъуськивать: „Ваши защитники — наганчники сальныя свѣчи тайкомъ подкушиваютъ и стекломъ и обоями вытираются; кромѣ самовара, вы ничего не выдумали; тысячу лѣтъ прожили, а все себя выдаете юной націей, сосунками, съ великимъ будущимъ. У васъ во всѣхъ сортирахъ самобытное художество процвѣтаетъ, всѣ стѣны пальцами, натуральной краской разрисованы. Почеши вамъ кожечку, и тотчасъ же косоглазый, скуластый казачище съ нагайкой выскочитъ. Надъ вами, до конца двадцатаго столѣтія, будетъ Богдыханъ неистовствовать. Вы кнутобойщики, живодеры, вы вашихъ политическихъ враговъ пытаете въ крѣпостяхъ и вѣшаете безъ суда. Вы лучшими людьми Россіи и Польши всю Сибирь заселили. Вы, на позоръ цѣлому міру, розгами дерете взрослыхъ людей, вытягиваете пытками недоимки. За одинъ звукъ протеста противъ вашихъ злодѣйствъ, ваши янычары студентовъ и студентокъ плетьми бьютъ, каблучищами топчутъ, о стѣну имъ головы разбиваютъ. Вашъ кормилецъ — народъ изъ голодовокъ не выходитъ, онъ чистый черный хлѣбъ только въ великіе праздники ѣстъ; чтобы его получше ободрать, вы его ядовитымъ зельемъ спаиваете, толкаете на гибель, вырожденіе.... Вы, убійцы, отравители, вы съ сивухи самый большой доходъ получаете. Народъ вашъ соломой съ крышъ колѣющихъ съ голода лошаденокъ кормитъ и спитъ въ рубищѣ, въ нетопленныхъ зимою лачугахъ. У васъ, зачастую, люди отъ голода пухнутъ. Ваши дворцовые брилліянты — горючія слезы народныя; ваше золото — жизненные соки народные; изъ тьмы, охватившей вашу родину, вы добываете свѣтъ для вашихъ безчисленныхъ дворцовъ... У васъ за одну ночь можно заарестовать, изувѣчить сотню тысячъ людей, и ни одна ваша газета не пикнетъ. Ваша страна, въ сто тридцать милліоновъ, нѣмая, какъ скотъ, безсловесная; вы разбойничаете, какъ хотите, и на васъ суда нѣтъ. Вы не только отъ Японіи отстали,

но скоро и отъ Турціи, Персіи отстанете. Вашъ бумажный рубль у насъ въ полцѣны ходитъ; вы умудрились соорудить золотой безъ золота, черную магію въ финансахъ своихъ водворили." Начнешь отвѣчать, но самъ чувствуешь, что своей мальчишеской брехней и путанницей его только потѣшаешь. У нихъ всякій уличный мальчишка въ политическомъ строѣ и внутреннемъ управленіи болѣе смыслитъ нашихъ министровъ; попробуй тамъ кто-нибудь сварганить схоластику на манеръ „Московскаго сборника" Побѣдоносцева, его бы за outrage à la pudeur судили и подушкой отъ судна голову увѣнчали бы."

На слѣдующій день, какъ бы въ шуточку, напомнилъ ему его слова, но онъ наотрѣзъ отказался. „Если вы — говоритъ — будете такъ нагло клеветать, то я священнѣйшимъ долгомъ почту доложить о васъ нашему безпредѣльно обожаемому самодержцу, провозгласившему принципы 89 г., тьфу ты, чертъ, хочу сказать: за одно съ папенькой принципъ 29 апрѣля 81 года. Я, сударь мой, за царя сто разъ въ часъ костьми ляжу; если смилостивится ножку протянуть, всю вылижу. Если нужно для его охраны все отечество на гнилой веревкѣ повѣсить, я сейчасъ повѣшу; собственнаго сынка, за малѣйшее шатаніе мыслей, въ казематъ засажу и заморю; собственную дочку собственными руками выпорю; если нужно, я полицмейстера Клейгельса превзойду, вотъ каковъ я, сударь! А какъ вы поступите, это одному всевидящему извѣстно. Въ нынѣшнее время, въ самомъ дворцѣ чудеса пошли: смотришь на человѣка, и кажется, преданнѣй не было на нашей планетѣ и не будетъ, взглянуть на державнаго вождя безъ сотрясеній не смѣетъ; безъ малѣйшаго повода все глаза къ небу возводитъ, крестится, молитвы въ темныхъ углахъ шепчетъ, требникъ при себѣ носитъ, съ дворцовыми прислужниками про державнаго говоритъ со слезами умиленія, о крамольникахъ — со скрежетомъ зубовнымъ, шипѣніемъ, присвистомъ, а послѣ, вдругъ, оказывается, что онъ подъ лисьимъ покровомъ святотатственнымъ злодѣямъ служилъ и отравленію способствовалъ."

Трясется державный вождь, трясется, но какъ дрессированная шавка, ворчать не смѣетъ: разъ слуги вѣрные рѣшили — поѣдетъ непремѣнно. Отъ трусости его охватила черная меланхолія, боялись обычныхъ припадковъ. Но нынче утромъ неожиданно развеселился, заржалъ, какъ жеребенокъ, и впалъ въ развратныя мысли.... не стѣсняясь хватилъ: „Какъ только въ Парижѣ урву свободную минутку, сейчасъ же приглашу въ посольство дюжинки три кокотокъ; изъ патріотизма онѣ безъ денегъ пойдутъ; напою даровымъ шампанскимъ, велю раздѣться и дѣдушку передъ ними разыграю. Дѣдушка никогда не спускалъ женскому полу и не любилъ дремать, когда въ смольный институтъ попадалъ. Послѣ великихъ реформъ любилъ отдыхать на дѣвическомъ ложѣ, умѣлъ дѣвицъ въ настоящую позицію ставить.“ Зазнался мозглякъ, забылъ, что не смотря на молодые годы, исполнять супружескія обязанности, какъ слѣдуетъ, не можетъ; разгонится храбро, точно на врага, а тамъ смотришь, пошли и пошли знаки препинанія, обращаться съ заботами о наслѣдникѣ къ свитѣ, въ наше время какъ-то неловко. Положимъ, Екатеринѣ II придворные, въ виду наслѣдника, презентовали Салтыкова, но то были времена лихія, бардельныя. Къ неженатымъ двоюроднымъ дядюшкамъ обратиться хотя и ловко, и не противорѣчитъ этикету, но безполезно... Но мои товарищи могутъ мнѣ замѣтить, что облюбованная Романовыми и княземъ Мещерскимъ педерастія какъ бы опровергаетъ мои слова; отнюдь нѣтъ — вѣдь ихъ роль въ ней вполнѣ пассивная.

Дрожи, дрожи, царь, полномощный, а все-таки ѣхать придется; попробуй только невполнѣ подчиниться своимъ подчиненнымъ, живо, подъ громъ бальнаго оркестра, ядъ сглотнешь и вдругъ нефритомъ заболѣешь. На всякій случай послали за Захарьинымъ, чтобы ослушать сердце. Благочестивый Захарьинъ обстукалъ, обслушалъ аттрофированный комочекъ, съ дряблыми клапанчиками и рѣшилъ, что на Парижъ хватитъ.

Жена царя, на видъ невинненькая, всѣмъ довѣряетъ и въ руки импотентнаго муженька не забираетъ. Нѣкоторые изъ либе-

ральнаго лагеря уже начали ей приписывать умъ, образованіе, свободные взгляды, жажду конституціи. Но, конечно, лакейскимъ розсказнямъ довѣрять не слѣдуетъ: у насъ спокоонъ вѣка, въ извѣстныхъ кружкахъ, принято всѣмъ царямъ, царицамъ, наслѣдникамъ приписывать эти необычайныя въ дворцовыхъ сферахъ качества. Вѣчныя горькія разочарованія, увы, не образумливаютъ; институтскими иллюзіями они хотятъ успокоить свою совѣсть, немного оправдать свой подлый гражданскій индиферентизмъ.

Не понимаю, изъ-за чего царица разыгрываетъ такъ естественно, по временамъ, дурочку? Можетъ быть, изъ дворцоваго такта и политики, чтобы не оскорбить своимъ умомъ, образованьемъ, свободомысліемъ роскошно вдовствующую тещу; видимо, изъ желанья къ ней поддѣлаться, она цѣлый день устраиваетъ обворожительныя ямочки на щекахъ, улыбочки и пылко превозноситъ балы. Пока она еще набирается силъ, а до настоящей минуты лысинькая рѣзвушка-вдова водитъ вождя земли русской, какъ моську, на ленточкѣ, и не только за непослушаніе, но и за частыя остановки за маленькое, подчуетъ хлыстикомъ; ненавидимый всѣми, омерзительный Побѣдоносцевъ ею поддерживается. Память у царицы не дурная, нѣсколько фразъ, которыя ей приходится пустить въ ходъ, заучиваетъ довольно быстро. Но за то муженекъ совсѣмъ плохъ: поразительное и неустанное долбленіе во время приготовленія къ престолу, окончательно отшибло и безъ того жалкую память; задолбленное онъ, конечно, безповоротно забылъ, а теперь зубрить цѣлый день коротенькую, несложную рѣчь, а запомнить никакъ не можетъ. Отвѣтную рѣчь президенту Фору двѣ недѣли учитъ, а начнетъ произносить, и тотчасъ перханье, кашель, выпячиванье дурацкое глазъ; заплетаетъ языкомъ, какъ косноязычный, и все перепутываетъ; ему нужно говорить Фору, а онъ вдругъ вклеитъ пассажъ изъ давно сказанной рѣчи Гилю, въ которой превозносится деспотія, — выходитъ такая окрошка, что всѣ кругомъ только рты разѣваютъ, какъ лягушки.

Англичане наотрѣзъ отказались принимать нашего въ Лондонѣ и швырять народныя деньги на какія-то охраны; они всѣ пришли бы въ восторгъ, если бы его взорвали. Пришлось королевѣ Викторіи угощать его на свой счетъ; страшно скупая, старушка въ душѣ отчаянно бѣсилась... Полюбовался я старушкой во время торжественныхъ пріемовъ, головенка трясется, а за компанію и коронка на головѣ балансируетъ; послѣ смерти своего любимца камердинера Броуна, окончательно опустилась, стала безнадежнѣе прежняго тянуть виски и все себѣ подъ носъ брюзжитъ. Но этому Маоусоилу въ юбкѣ можно все простить за ея полное преклоненіе передъ англійской конституціей.

По дорогѣ въ Шербургъ нашего слабило безконечно, рвало безпредѣльно; не понимаю, какъ живъ остался. Передъ самымъ Шербургомъ заметался, сталъ хныкать, всѣхъ упрекать: „Зачѣмъ завезли? развѣ вы не знаете, что Парижъ изъ петроля никогда не выходитъ? Вы хотите меня съ рукъ сбыть, все о новой коронаціи мечтаете, очень ужъ разлакомились! Твердите: державный вождь, державный вождь, а на самомъ дѣлѣ, какъ мужицкую лошаденку, въ упряжи держите и во всѣ стороны возжами дергаете; чѣмъ болѣе слушаю, тѣмъ болѣе мыкаете.“ Подъ конецъ ему самого себя такъ жалко стало, что расплакался... А море, какъ бѣшеное, и реветъ, и гудитъ, бомбандируетъ яхту, точно мины, бомбы грозно пророчитъ.

Шефъ жандармовъ Тянижиловъ сталъ его усовѣщивать: „Ваше Величество, не дрожите, все сойдетъ отлично: мы тысячу самыхъ отборныхъ провокаторовъ въ Парижъ отправили, молодецъ къ молодцу, каторжникъ на каторжникѣ; многіе за отцеубійство и дѣтоубійство судились; содержаніе ихъ Парижъ на себя принялъ. Квартиры нигилистовъ конвоемъ окружены, недремлющее око всюду. Наши архангелы не только своихъ, но и парижскихъ революціонеровъ подъ надзоръ приняли и у многихъ изъ нихъ пошарили въ квартирахъ, не по ихнему, а по нашему. Не вѣрьте, Ваше Величество, интригамъ, слухамъ, что де они обокрали многія квартиры; если нечаянно кто-нибудь и схватилъ, то гдѣ же этого не бываетъ?“ Пришла императрица успокаивать, но, видимо, все думала о встрѣчахъ, иначе чѣмъ объяснить, что въ самый раздира-

тельный моментъ она такія ямочки смастерила, что мы ахнули отъ восхищенья, роскошно вдовствующая позавидовала бы. Странная вещь: ротъ вдовствующей можно смѣло сравнить съ львиною пастью во дворцѣ дожей, куда нѣкогда швыряли доносы, а какъ соберетъ его, вдругъ оказывается ротъ, какъ ротъ.

Стопъ машина! Наконецъ добрались до Франціи. Какъ услышалъ нашъ пальбу съ броненосцевъ, увидѣлъ публику, неоцѣпленную желѣзными канатами, какъ замѣтилъ отсутствіе своихъ янычаръ съ нагайками, такъ совсѣмъ растерялся. Форъ ему говоритъ привѣтственную рѣчь, а онъ въ отвѣтъ отчитываетъ акафисты Богородицѣ. Но за то царица не растерялась: смастерила обольстительную улыбочку и подала ручку Фору для лобзанья. Фору такъ ея ручка понравилась, что онъ сталъ послѣ къ ней довольно часто прикладываться и безъ достаточныхъ поводовъ: скажетъ ей что-нибудь неожиданное и черезвычайно пріятное, она, за неприготовленностью, потеряется, а онъ, чтобы загладить неловкость, возьметъ и чмокнетъ ручку; черезъ нѣсколько минутъ, опять неожиданное и черезвычайно пріятное, опять не отвѣтитъ, а онъ снова чмокъ. А нашъ колпакъ только хлопаетъ ушами и все думаетъ о покушеньяхъ, покушеній же Фора не замѣчаетъ.

По дорогѣ въ Парижъ все подходилъ къ окну и удивлялся, что публика смѣетъ во время царскаго проѣзда подходить къ полотну желѣзной дороги — того гляди, кто-нибудь крикнетъ: „жарь!“ То ли дѣло у насъ: мчатся два фальшивыхъ поѣзда и одинъ настоящій; угадывай, какой взорвать нужно! Вдоль всей линіи, чуть не на тысячу верстъ, солдаты во всеоружіи и казаки рыщутъ съ спасающими отечество нагайками. На станціяхъ встрѣчаютъ жандармы, шпіоны и опричники, а на десятки верстъ второну, хотя бы и въ страду деревенскую, не только человѣкъ не показывается, но и птица не проносится. Изъ всего животнаго міра только однѣмъ свиньямъ разрѣшено, даже около самыхъ станцій, взрывать пятакомъ землю: свинья — эмблема консерватизма, мракобѣсія, розыска, вѣрноподданничества и трезвенности; какъ

полный мракобѣсія русскій консерваторъ, она въ небо не смотритъ; какъ монархъ и всѣ придворные, рявкаетъ, какъ истинный шпіонъ, цѣлый день пятакомъ корни и развѣтвленія разыскиваетъ, и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, что деспотію всегда сравнивали со свиньей, которая подкапываетъ корни у дуба, дающаго ей желуди.

Во время краткаго переѣзда семь разъ навѣстилъ сортиръ; Форъ, какъ бы въ пику, ни разу, но за то, во время отлучекъ, не дремалъ: каждой воспользовался, чтобы чмокнуть ручку. Царица почти мгновенно совсѣмъ распустилась, французская фамильярность ей стала нравиться; винить ее, конечно, нельзя — азіатскій этикетъ ей, видимо, надоѣлъ.

Подъѣзжая къ Парижу, совсѣмъ смутился, сталъ пепельный, жуетъ губами, но слова произнесть не можетъ, а какъ къ послѣдней станціи стали подъѣзжать, совсѣмъ рехнулся: ни съ того, ни съ сего, вздумалъ насвистывать не только Марсельезу, но и Карманьолу; на замѣчаніе генерала Рихтера, что самодержцу де не совсѣмъ прилично насвистывать святотатственные гимны, онъ неожиданно выпалилъ: „А мнѣ наплевать! Пусть за республиканца и за сисилиста принимаютъ, авось не взорвутъ. Папенька вплоть до восшествія на престолъ всюду слылъ за комунара и даже за анархиста; этимъ пѣснямъ меня дядюшка Костя научилъ, повѣрь мнѣ — говоритъ — какъ очень либеральному поэту и конституціоналисту, что когда тебѣ переодѣтому продирать куда зря придется, эти пѣсенки тебѣ жизнь спасутъ.“

Въ Парижѣ встрѣтили по московски: во всю длину пути войска шпалерами, а за ними, на чисто русской дистанціи, парижскіе франты и франтихи, съ развѣвающимися платочками, горланили поразительно, скорѣе со смѣхомъ, и отпускали на счетъ царя шуточки весьма скабрезныя. Нашъ плюгавенькій торчалъ въ огромной колескѣ, весь мутный; въ посольство внесли на рукахъ; цѣлый часъ массировали. Во время массированья живота изумилъ всѣхъ количествомъ заключенныхъ въ немъ газовъ. Насилу, насилу пришелъ въ самодержавное состояніе. За обѣдомъ вздрагивалъ, косилъ; свою порцію долго ковырялъ, разсматривалъ и только тогда ѣсть принимался, когда посланникъ взятое съ его блюда все съѣдалъ. Послѣ обѣда вдругъ хватилъ: „А знаете ли вы,

господа, что у моего папаши сердце было минеральное; Побѣдоносцевъ увѣрялъ, что это признакъ большой чувствительности, а у меня — известковое, отъ этого я еще чувствительнѣй."

Цѣлое утро долбитъ, полную искренности, прямо вылившуюся изъ царской души рѣчь. Но отъ сильныхъ волненій сталъ перепутывать замысловатѣй прежняго, въ застольную рѣчь сталъ вплетать тропари, кондаки. Послали за заготовленнымъ заранѣе чревовѣщателемъ, за тѣмъ самымъ, что плѣнялъ весь Парижъ, не такъ чревовѣщаніемъ, какъ петоманствомъ, и рѣшили поставить его за спиною самодержца, въ оберъ-шьеньковской ливреѣ, чтобы за него чревомъ произнесъ рѣчь, нашему оставалось только шевелить губами. Продѣлали репетицію, и вышло на славу! бестія-петоманъ такъ ловко схватилъ его голосъ, манеру, ежеминутныя перханья, что въ двухъ шагахъ не могли отличить. На радостяхъ, на прощанье заставили его потѣшить собственнымъ инструментомъ, и, зажавъ носы, выслушали самыя патріотическія мѣста изъ оперы „Жизнь за царя." Удивительно разносторонній человѣкъ! талантливъ со всѣхъ сторонъ; весь — можно сказать — музыка. По его уходѣ, нашъ сказалъ: „Не скрою отъ васъ, господа, что при нынѣшнемъ состояніи Россіи, при полномъ упадкѣ религіи и благоговѣйныхъ чувствъ къ престолу, такіе люди весьма нужны: они сумѣли бы восхвалять православіе и самодержавіе не однимъ языкомъ."

Торжественный обѣдъ описывать не стану — одна срамота. Посадили нашего вождя на главномъ мѣстѣ, и еле еле виденъ, мизерный, сумрачный, головенка торчкомъ, лба нѣтъ, носъ коротенькій, глаза блуждаютъ; не вышелъ ни ростомъ, ни умомъ, ни лицомъ, общій видъ — точно продралъ изъ дома умалишенныхъ. Начинаю болѣе, чѣмъ когда-нибудь, понимать, что самодержецъ не мыслимъ безъ трехъ-аршиннаго роста, косой сажени въ плечахъ: идолъ, безъ гигантскихъ размѣровъ, вытертаго гроша не стоитъ. Замѣтьте: съ упадкомъ самодержавія и цари стали мельчать.

Во время обѣда фараончикъ, прислушиваясь къ общему непривычному для него говору, самъ увлекся, хотѣлъ нѣсколько разъ заговорить, но не вытанцовалось; тщетныя усилія болѣзненно отражались на лицѣ, будь онъ одѣтъ бабою, всѣ подумали бы, что собирается въ первый разъ рожать двоешку. И о чемъ—спрашивается—сталъ бы онъ говорить?— Орденовъ ни у кого за столомъ не было, а онъ только умѣетъ спросить: „гдѣ получилъ орденъ?“ Наконецъ дошло до рѣчи, знаменующей собою цѣлое историческое событіе. Поднялъ онъ бокалъ, рученка дрожитъ, какъ у младенца съ родимчикомъ, но, къ счастью, невполнѣ растерялся, сталъ довольно сносно перебирать губами, а молодецъ-петоманъ, съ нужнымъ волненьемъ и полагающимся въ такихъ случаяхъ величіемъ, произнесъ краткую рѣчь... Кто былъ посвященъ въ секретъ, въ тарелку носъ уткнулъ и губу прикусилъ, а остальные, сидящіе вдалекѣ, къ счастію не разобрали, въ чемъ дѣло, нашли, что для русскаго царя, по праву рожденія крайне глупаго и никогда не упражнявшагося въ краснорѣчіи, онъ сварганилъ рѣчь, неособенно идіотскую. Вернувшись въ посольство, царь расцѣловалъ горячо петомана и собственноручно вручилъ табакерку съ музыкой, съ собственнымъ портретомъ, осыпаннымъ брилліянтами, и оставилъ при себѣ на большомъ жалованьи. Придворные, какъ бы угадывая полныя признательности чувства монарха, стали поговаривать, не нужно ли для новаго придворнаго создать — если не новый чинъ, — то, по крайней мѣрѣ, новый орденъ, въ pendant къ Станиславу? Но планъ разстроился отъ невозможности пріискать приличное положенію названіе. При частыхъ путешествіяхъ такой далеко не односторонній ораторъ — сущій кладъ; одна его сторона, въ моменты, составляющіе эпоху, будетъ за царя говорить рѣчи, другая—того же царя, въ печальныя минуты послѣ покушеній, тѣшить музыкой и услаждать ароматами; воскреснутъ Саулъ и Давидъ.

За табакерку и мѣсто петоманъ устроилъ сюрпризъ: предварительно раскрывъ настежъ окна, сыгралъ на собственномъ инструментѣ „Боже царя храни“ и „Славься на страхъ врагамъ.“ Нечего и прибавлять, что величественная музыка все время сопровождалась воскуреніемъ фиміамовъ къ престолу всевышняго.

Въ большую оперу явился совсѣмъ мрачный, чисто всю ночь провалялся въ гатчинскомъ болотѣ, но съ началомъ балета капельку оживился, видимо, вспомнилъ Лябуску. Во время антрактовъ два раза даромъ показывался публикѣ. Форъ и въ самой оперѣ изловчился нѣсколько разъ поцѣловать у царицы ручку. Вся публика перешла на сторону царицы, и немудрено: у Николушки на лицѣ мракобѣсіе, молитвенность, а у ней все время играетъ обворожительная улыбочка. У него около рта чуть не обезьяньи морщинки, а у нея плѣнительныя ямочки. Французы вѣтрены, отзывчивы, страстны, улыбочки, ямочки имъ всегда по вкусу. Я увѣренъ, что они ее привѣтствовали искренно, просто, какъ кокетливую бабенку. При выходѣ, Форъ взялъ царицу подъ руку, а нашъ невѣжа пренебрегъ старухой Форъ, поплелся сзади одинъ и все тревожно косился, ожидая, конечно, не бомбоніерочку, а бомбочку.

Рѣчь парижскаго мера Бодена, обращенную къ нашему самодержцу, можно перевести немного иначе: „Мы, настоящіе республиканцы-соціалисты, привѣтствуемъ не тебя, но великую націю, проснувшуюся, стремящуюся къ освобожденію. Мы всегда были и останемся на сторонѣ тобою гонимыхъ, ссылаемыхъ, казнимыхъ. Не смотря на всѣ чисто оффиціальныя рѣчи и возлагаемыя на тебя надежды, какъ на союзника, ты остаешься въ нашихъ глазахъ дикимъ анохронизмомъ, оплотомъ азіатскаго варварства, застоя, угрозой цивилизованному міру.“

Не знаю, понялъ ли нашъ дурачекъ рѣчь, но всѣ замѣтили, что онъ послѣ сильно лебезилъ передъ Боденомъ, имѣлъ видъ вспрыснутаго крапивой мальчишки... Удивить хамствомъ нашего уродца мудрено: его на родильномъ ложѣ восприняли лакеи, онъ росъ среди лакеевъ, лакеи его воспитывали, посредствомъ лакеевъ онъ правитъ Россіей; самихъ любовницъ получаетъ послѣ лакеевъ и до гроба остается лакеемъ своихъ лакеевъ.

Не знаю, зачѣмъ ему нужно было посѣщать Пантеонъ? Онъ находу поклонился Вольтеру, Руссо, Дидро, Виктору Гюго, забывъ

что эти писатели — краса, гордость не только Франціи, но и цѣлаго міра, у насъ не вполнѣ пропущены цензурой. Свѣтъ, исходящій изъ великихъ могилъ, спустилъ мракъ въ его головѣ; онъ вышелъ, точно оплеванный. Увы, не нашелъ онъ въ храмѣ славы гробницъ императоровъ, королей, но съ ужасомъ узрѣлъ увѣковѣченныхъ въ бронзѣ, мраморѣ ненавидимыхъ имъ революціонныхъ писателей, народныхъ трибуновъ, грозныхъ бунтовщиковъ, крамольниковъ, инстинктивно почувствовалъ, что великое будущее принадлежитъ имъ...

Моренгеймъ, догадавшись въ чемъ дѣло, захотѣлъ за обѣдомъ загладить неблагонадежный пантеонъ и произнесъ рѣчь, необычную даже въ дворцовыхъ сферахъ; сложивъ руки, какъ бы на молитву, склонивъ умильно головку набокъ, онъ засюсюкалъ: „Ваше державное величество! невозможно жалкою, дряною прозой выразить чувства, питаемыя къ вамъ всей могущественной Франціей; она съ безконечнымъ трепетнымъ обожаньемъ припала къ пятамъ вашимъ, цѣлуетъ пылко страстно слѣдъ вашъ, ластится къ вамъ. Не понимаю и до гроба не пойму, какъ въ первый же день вашего пріѣзда не рухнула пресловутая, шаблонная, мальчишески болтливая республика, и на счастье Франціи не водворилась навѣки самодержавная, полномощная монархія!! Отъ своего низкоподданическаго лица и отъ лучшихъ гражданъ Франціи, на колѣняхъ молю смилостивиться надъ гибнущей, но и въ самой гибели прекрасной, падшей Франціи, прекратите крамольныя оргіи, потоки петроля, нигилистическое кощунство, коммуну, бомбы, шатанье, плесканье, бурленіе мыслей! возьмите Францію подъ крылья орла, подъ клювы двухъ головъ, сдѣлайтесь ея повелителемъ, отцомъ, матерью. Пусть одна стопа самодержавнаго колосса попираетъ великія и малыя Россіи, царство Польское, княжество Финляндское; другая — богатую шелковыми матеріями, бархатомъ, консервами, виномъ, шампанскимъ, цвѣтущую Францію. Невмоготу стали Франціи неистовства, святотатства изступленной прессы, народные выборы, говорильни! Извѣрился, истосковался западъ; духовной жаждою томимый, обратилъ онъ взоры на загадочный востокъ; рвутся запекшіяся уста къ живой водѣ, способной возродить, срастить развалившійся западный міръ. Молю,

внемли намъ, царь! и прости мою прямолинейную, полную посольской отваги рѣчь — она вырвалась изъ обожающей тебя души, какъ горный , разрушительный потокъ изъ дикаго, тѣснаго, швейцарскаго ущелья!“

Выслушалъ нашъ рѣчь спокойно, капельку поблудилъ глазами и изрекъ : „Держи карманъ шире, лиса-патрикеевна! Скажите на милость, лѣзетъ ко мнѣ со своей Швейцаріей!“ Одинъ злоязычникъ подшутилъ : „нужно — говоритъ — понимать царскія слова не односторонне, въ нихъ заключенъ чертовски тонкій смыслъ: не прослышалъ ли онъ чудомъ про неуловимаго икса, заполучившаго пятьсотъ тысячъ фран. изъ панамской кассы, иначе, какъ объяснить слова : „Держи карманъ шире?“

Душевное прояснѣніе длилось недолго. Въ тотъ же вечеръ онъ, съ ошельмованнымъ имъ Моренхеймомъ, сталъ составлять манифестъ къ французамъ о согласіи стать ихъ автократомъ, но изъ вполнѣ русскаго патріотизма, повелѣвалъ излагать титлы въ слѣдующемъ порядкѣ : „Мы, особенною Божіею милостью, Николай II самодержецъ отъ сотворенья міра, годъ такой то, царь всея Руси, царь Польскій, царь Финляндскій, а также нынѣ царь Французскій въ порывѣ неизреченной милости, разрѣшаемъ новымъ своимъ поданнымъ называть насъ : le tsar sauveur и въ pendant къ le roi soleil — tsar la lune.“

О французахъ установилось мнѣніе, что они остроумны, но не злы. Но послѣ, какъ они отвели въ Версалѣ нашимъ августѣйшимъ спальню Людовика XVI и Маріи Антуанетты, я сильно усомнился въ распространенномъ мнѣніи : шутка была сѣрножелчная, зловѣще пророческая, крайне сумрачная. Передъ ихъ спальней я остановился въ глубокомъ раздумьѣ, въ душѣ поднялись параллели и предчувствія чуть не мистическія... Трагическая, коронованная парочка, черезъ столѣтіе протянула руку другой, таинственно намекая на общую судьбу, фатальное совпаденіе!! На одной и той же постели, раздѣленныя цѣлымъ вѣкомъ, спали двѣ вѣнценосныя парочки, наканунѣ великаго пробужденія ихъ націй... Въ

концѣ прошлаго вѣка, въ этой пышной, фривольной, капризно убранной комнатѣ, думая только о себѣ и своемъ дворцѣ, опочивали нелѣпые слѣпцы, не предчувствовавшіе надвигающейся, всеразрушающей грозы. Они порхали, какъ райскія птички среди оранжерейныхъ цвѣтовъ, купались въ солнечныхъ лучахъ, пили съ упоеніемъ сладкій сокъ изъ душистыхъ растеній; въ атмосферѣ, напоенной пряными, разслабляющими ароматами царили сладчайшія, угодливыя улыбки, томные вздохи, долгіе поцѣлуи, сладострастная истома, розы, соловьиныя трели... Въ изолированномъ отъ націи, тепличномъ, сказочномъ дворцѣ, въ фантастическихъ садахъ, вѣяли одни, навѣвающіе нѣгу, идиллическіе зефиры, буря казалась невозможной, странной, неестественной, но она тихо надвигалась и надвигалась, обращаясь постепенно въ ураганъ. Изъ багровыхъ тучъ, разрѣзая все небо, блеснули молніи, отъ громовыхъ ударовъ задрожала земля; страшныя спирали урагана стали ширяться, охватили всю Францію, одинъ изъ грозныхъ порывовъ вмигъ снесъ, вынесшую цѣлые вѣка, Бастилію и сорвалъ вѣнценосныя головенки такъ же легко, какъ обыкновенный вѣтеръ срываетъ верхушки жалкихъ одуванчиковъ.

Слѣпорожденные, глухіе, вконецъ изуродованные дворцовымъ воспитаніемъ, они воображали себя сильнѣе исторіи; имъ казалось, что не они хрупкая игрушка въ ея рукахъ, но она, — исторія цѣлаго народа, — игрушка въ ихъ!! — Они дѣтски наивно отдавали приказанія солнцу остановиться, и жалчайшимъ безумцамъ порой казалось, что оно вѣрноподданически повинуется, замедляетъ ходъ; какъ же внуку короля-солнца не повелѣвать солнцемъ! Народу — разсуждали они — не нужно ни идеала, ни неба; передъ блескомъ брилліантовъ короны должны потускнѣть вѣчные звѣзды; передъ свѣтомъ, льющимся изъ солитера державнаго жезла, долженъ померкнуть свѣтъ солнца.

Они необузданно веселились, бѣшено танцовали, кружились до самозабвенія, воображая, что поддерживающій ихъ дикій, чудовищный безпорядокъ, вѣченъ; ихъ усыпляли нѣжный шумъ, звонъ версальскихъ фонтановъ; они не предчувствовали звона набата, шума возставшаго народа, превосходящаго ревъ разъяреннаго океана, среди отвѣсныхъ скалъ. Они лили старое, красное вино,

и имъ пришлось узрѣть иную красную жидкость, лившуюся потоками: ихъ собственная кровь хлынула на эшафотѣ въ моментъ, когда пустыя головы скатились въ пустые мѣшки.

Марія Антуанетта часто заглядывалась на мечтательныя головки своихъ придворныхъ дамъ, и въ одну ужасную ночь она увидѣла прогуливаемую на пикѣ, озаряемую факелами, голову своей фаворитки Ламбаль, съ черно синимъ лицомъ, улыбкою Медузы, съ запекшеюся ярко красной кровью на лебединой шейкѣ. Ее, убаюкиваемую сладко приторною лестью придворныхъ, разбудили народныя проклятія, бѣшеные вопли, требующіе ея казни.

Врядъ ли Франція конца прошлаго вѣка, въ дни веселій, ликованій въ Версалѣ, представляла столько роковыхъ симптомовъ, какъ наша Россія, въ концѣ нынѣшняго. У насъ, какъ кровавая насмѣшка надъ міровымъ прогрессомъ, уцѣлѣли не одна, но нѣсколько Бастилій, и какъ блѣднѣютъ передъ затаенными въ нихъ невѣроятными ужасами, всѣ невзгоды разрушенной 14 Іюля.

Навѣрное, кровавые сны витали надъ головами нашихъ вѣнценосцевъ въ этой знаменательной спальнѣ, населенной призраками, подавляющими, какъ видѣнія Дантовскаго ада. Навѣрное, имъ снились: кровь, кровь безъ конца, туловища безъ головъ, головы въ мѣшкахъ и движущіяся ночью, при свѣтѣ факеловъ, народныя массы, грозныя, гнѣвныя, безпощадныя.

Каждый вѣкъ, въ свои революціонныя движенія вноситъ новыя откровенія, новые пріемы, сюрпризы, но, увы, они всѣ не въ пользу правительствъ. Противъ свирѣпыхъ опричниковъ скоро будутъ орудовать не ножи, револьверы, а ужасающія, по разрушительной силѣ, взрывчатыя бомбы. Въ дни народнаго суда, вмѣсто ножа гильотины, будутъ болѣе быстро разить молніи электрическихъ машинъ. Но многіе могутъ замѣтить, что Романовы съ быстротой и безсознательностью бабочекъ, стремятся въ огонь революціи только потому, что не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о революціи, не знаютъ ни причинъ, неизбѣжно ихъ вызывающихъ, ни въ чемъ онѣ заключаются. Нѣтъ сомнѣнія, что

въ ихъ воспитательную программу онѣ не входятъ; имъ читаютъ лекціи о неслыханныхъ въ остальномъ мірѣ процвѣтаньяхъ, преуспѣваньяхъ подъ благодатною державною сѣнью; въ ихъ исторіи все пышно расцвѣтаетъ и нестерпимо благоухаетъ; царятъ тишь да благодать, народныя благословленья, благодарности, припаданья, трепетанья, обожанья, слезы умиленія, восторга, и все, неизбѣжно, въ размѣрахъ безпредѣльныхъ и безконечныхъ. Вся ихъ исторія полна всевозможнѣйшихъ готовностей, ни по чемъ считается лечь костьми и закидать шапками. Черезъ всѣ вѣка проходитъ одинъ народный крикъ: „Рады стараться! всѣмъ довольны, Ваше императорское Величество!“ Ихъ исторія изъ „ура“ и „Боже царя храни“ не выходитъ; ими все покрывается, въ нихъ все сливается, ими все выражается; революція является простымъ недоразумѣніемъ, недосмотромъ, превратнымъ толкованіемъ. Стоитъ только дворникамъ, казакамъ и полицейскимъ не дремать, и Россія, вполнѣ, отъ нея гарантирована. Но разъ всѣ задремали, и она вспыхнула, — энергичный полицмейстеръ, съ двумя, тремя сотнями казаковъ, вмигъ приведетъ все въ прежній порядокъ, главное: нужно всѣхъ встрѣчныхъ, безъ разбора, забивать на смерть плетьми, топтать дѣвушекъ и дѣтей каблучищами съ гвоздями и разбивать, какъ можно болѣе, не въ чемъ неповинныхъ головъ о стѣны.

Все это такъ, но не нужно забывать, что послѣдовательностью, выдержанностью, стойкостью, наши широчайшія, славянскія натуры, увы, не отличаются, а монголо татарскія — и подавно.

Мы, благодаря вѣковой цензурѣ, совсѣмъ не умѣемъ логически мыслить; полное пониманіе, безъ полной свободы прессы, конечно, не мыслимо. Мы вѣчно путаемся въ противорѣчіяхъ, проговариваемся въ самомъ дворцѣ; мы всѣ, капельку, анархисты. У насъ очень часто случается, что самый очумѣлый мракобѣсецъ, неожиданно отпускаетъ крамольную фразу, и послѣдняя полнѣйшая свинья, вдругъ устремляетъ меланхолическій взоръ въ небо.

Пословица говоритъ, что шила въ мѣшкѣ не утаишь, подавно нельзя было утаить, даже отъ Романовыхъ, головы Капетовъ, въ мѣшкахъ съ отрубями; про послѣдніе дни, одинаково съ ними смазанныхъ, они имѣли болѣе насъ шансовъ услышать раздирательныя подробности; сбѣжавшіе въ Россію, послѣ разгрома, при-

дворные, навѣрное, изливали свои опечаленныя души передъ нашими.

Я увѣренъ, что нашимъ вѣнценосцамъ спалось плохо; кто знаетъ, можетъ быть, пыль конца прошлаго вѣка, уцѣлѣвшая въ складкахъ обоевъ и постелей, воскресила сны того вѣка, и въ вѣщемъ снѣ безголовые двухъ разныхъ вѣковъ, одинаково ими не понятыхъ, обмѣнялись страшными, таинственными мыслями.

Какъ нашъ дробненькій, убогенькій обрадовался, когда благополучно добрался до поѣзда, отходящаго въ Берлинъ; забывъ самодержавный этикетъ, онъ съ дѣтскою порывистостью бросился на шею президенту республики, трижды облобызалъ, назвалъ другомъ.

Подлый страхъ не покидалъ его до самой Германіи, по временамъ вздрагивалъ, подпрыгивалъ такъ, что мы хотѣли его пришить къ креслу, чтобы не слетѣлъ на полъ. Въ Германіи успокоился: „Тутъ — говоритъ — нигилистовъ выдаютъ, полиція мою капельку напоминаетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и мордобитія нерѣдки. Другъ Гиль только и мечтаетъ самодержцемъ сдѣлаться, — сухая рука все мѣшаетъ, какъ слѣдуетъ размахнуться и похерить конституцію; надоѣли ему ограниченья, но куда ему до меня: слишкомъ уже глухъ и слишкомъ глупъ, голова — чисто огромная рѣдька, хвостомъ вверхъ!“

Переѣхавъ черезъ нашу границу, пуще индюка раздулся, ощутилъ въ себѣ хозяина земли русской; сталъ покрикивать; въ совсѣмъ пустынныхъ мѣстахъ началъ подмѣчать крамольное колебаніе мыслей, посяганья на поѣздъ; въ собственномъ спальномъ вагонѣ, подъ матрасомъ, сталъ разыскивать ужасныя для него брошюры и всевозможные корни и развѣтленія; завелъ рѣчь о Боркахъ, усомнился въ вѣчно бдящемъ перстѣ божьемъ: „Де не всякій же разъ перстъ будетъ спасать, не все же онъ будетъ шальпо торчать въ воздухѣ. Богъ можетъ устать, и руку въ карманъ штановъ или мантіи запрятать, — въ небѣ не очень то тепло!— Дѣдушку перстъ божій спасалъ, спасалъ, а подъ конецъ, все жъ

таки, какъ пробка отъ кислыхъ щей взлетѣлъ." На замѣчаніе Рихтера, что сравненіе съ пробкою, да еще отъ кислыхъ щей, весьма неумѣстно, рѣзко отвѣтилъ: „Я лучше васъ физику знаю, всѣ предметы одинаково взлетаютъ; нога и пробка, съ точки зрѣнія физики, все едино." Женѣ сталъ вспоминать Форовскія чмоканья, въ пику сталъ превозносить Лябуску, одобрилъ Генриха VIII за то, что тотъ ловко умѣлъ съ женами расправляться и сталъ поносить ганноверскій домъ. Наши придворные нашли, что слишкомъ уже зазнался, стали на него знаменательно поглядывать, а одинъ, какъ бы въ шутку, сталъ изъ платка петлю дѣлать; взглянувъ на платокъ, тотчасъ же позорно смирился, живо принялъ свой прежній, полномощный образъ, ощипаннаго, обваренаго кипяткомъ, худенькаго воробья.

Генералъ Р. нынче, тайкомъ, показалъ альбомъ императрицы съ карикатурами на мужа: двѣ не лишены чисто англійскаго юмора и мило раскрашены. На одной: на маленькой табуреточкѣ сидитъ, въ шапкѣ Мономаха, рахитическій недодѣлокъ; съ одной стороны — ночной горшечекъ, въ него изъ вскрытой на рукѣ жилы каплетъ кровь, истинно царская: желтая съ голубоватымъ отливомъ. Съ другой — поразительно взъерошенный пѣтухъ; изъ его тѣла проведена трубка въ жилу другой руки. Вверху надпись: „Чудеса нами гонимой науки; полная перемѣна крови и духа", а внизу: „Набираюсь задора, мужества и еще кой чего для поѣздки во Францію: хочу быть истиннымъ gaulois! „На другой: въ горностаевой мантіи, огромной коронѣ, весь въ орденахъ, — отъ пятъ до подбородка, — на полу, подъ большою козою лежитъ уродецъ, съ коротенькимъ носомъ и лбомъ и отчаянно сосетъ молоко; внизу надпись: „Для поддержки самодержца одного козьяго молока заглаза достаточно: козье молоко давая всѣ нужныя силы для управленія огромною страною, въ то же время спасаетъ отъ печальныхъ неожиданностей въ пищѣ. Въ наше полное утопій время истинный самодержецъ долженъ довѣрять только одной, вполнѣ здоровой, козѣ."

Я знаю, что не только обидчивая дворцовая челядь, но и кой кто изъ либераловъ и даже радикаловъ, съ холуйскимъ микробомъ на днѣ души, упрекнутъ меня въ экзажированіи, въ непозволи-

тельномъ вышучиваньи, скажутъ, что я нарочно вкладываю въ уста манекена забавныя фразы и проч. Повѣрьте мнѣ, что людишки, мною выставленные, въ дѣйствительности неизмѣримо смѣшнѣе, жальче, глупѣе, а главное — злѣе и подлѣе. Напойте хорошенько самаго приближеннаго къ царю, и онъ вамъ на ушко подтвердитъ мою мысль.

Наши книжники, носящіе ливрею, если не на тѣлѣ, то на душѣ, оскорбляясь за барина и не зная, что найти въ писателѣ, тотчасъ же начинаютъ дружно кричать: „Авторъ слишкомъ рѣзокъ, циниченъ, все ругается“. Мнѣ кажется, что это съ цѣлью морочить простоватую публику они разыгриваютъ изъ себя такъ прекрасно круглыхъ невѣждъ и недоумковъ. О, боги! если бы они хотя бъ немного перебрали въ памяти всѣхъ великихъ сатириковъ, памфлетистовъ, публицистовъ, поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ изъ дамскихъ какихъ то особенныхъ ручекъ пришлось бы вырвать библію съ ругательно циничными памфлетами пророковъ, нестѣсняющагося никакими словами Шекспира; крайне рѣзкихъ ругающихся циничныхъ — Вольтера, Дидро, Руссо, Байрона, Виктора-Гюго, Гейне, Берне и десятки другихъ.... Ругающимися циниками окажутся всѣ самые выдающіеся публицисты всѣхъ радикальныхъ европейскихъ газетъ, а послѣднимъ словомъ ругани, цинизма — монументальное châtiments Викт. Гюго. Они не понимаютъ даже слово — цинизмъ, не знаютъ, что онъ все пошлое, грязное, сальное окутываетъ розовымъ флеромъ; поэтизируетъ растлѣніе, раскрашиваетъ вырожденіе, порокъ; въ самыхъ отвратительныхъ мѣстахъ не договариваетъ, давая просторъ болѣзненно раздраженной фантазіи... Всюду пикантные намеки, раздражающая таинственность, и въ глубинѣ — никакой мысли, разумной цѣли. „Нетергофское гуляніе“ Лермонтова, конечно, грязная вещь, но отнюдь не циничны: „Гаврильяда“ Пушкина, „La pucelle“ Вольтера: нецѣломудренными стихами вышучиваются христіанскія безсмыслицы; не циничны самыя безцеремонныя эпиграммы того же Пушкина.

Они не хотятъ знать, что во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ самые мощные разрушители вѣкового зла и мишурнаго величія не стѣснялись лакейскою галантерейностью, не прибѣгали къ фари-

сейски трусливымъ виляньямъ, холопскимъ деликатесамъ: они напрямикъ громили всеобщаго врага. Пороки, мерзости, преступленія враговъ служили имъ орудіями бичеванія, осмѣянія, вышучиванія, втаптыванья въ грязь. Ихъ слово походило на ту грозную дубину, которой первые христіане разбивали всенародно языческихъ идоловъ.

Чтобы будить, волновать, подымать интеллигентную и народную массу, нужны не усыпляющіе, дремучіе, всѣми уважаемые и никѣмъ не читаемые фоліянты, но огненныя сатиры, памфлеты, поэмы, пѣсни, гимны, зажигательныя прокламаціи и напоминанья вродѣ „За сто лѣтъ“ Бурцева, гдѣ плодотворный трудъ соединенъ съ горячимъ революціоннымъ чувствомъ, бьющія въ самое нутро зла, освѣщающія свѣточами Эвменидъ роковую жизнь, выражающія широкія обобщенія и глубокія, здравыя мысли краткимъ, живымъ, образнымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ.

Много мнѣ пришлось на вѣку своемъ читать запрещенныхъ журналовъ, нерѣдко мнѣ попадались журналы, всего въ 16 страницъ, издававшіеся съ рискомъ жизни, — смотришь пятнадцать страницъ посвящены программѣ или спорамъ о программѣ... Охъ, ужъ эти программы! Точно наши молебны передъ начатіемъ малѣйшаго дѣла. Будто истинный революціонеръ, съ великимъ идеаломъ не видѣнъ весь въ каждой строчкѣ и въ каждомъ нанесенномъ ударѣ. Развѣ всѣ пункты программы могутъ совпасть со всѣми сюрпризами жизни??...

Смѣшно и странно, что уморительно важныя, претендующія на ученость, мокрицы съ мутною слизью, вмѣсто крови, и всевозможные писаки, строчащіе отъ строчки, берутся быть судьями бойцовъ съ сердцемъ изъ „золота и стали“, которые за милліардъ не откажутся ни отъ одной своей строчки, и подъ пыткой — ни отъ одного своего слова, которымъ свѣтлое будущее воздвигнетъ монументы, и популярность, значеніе которыхъ будетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ націи.

Давно ли всевозможные лимфатическіе лакеи упрекали Герцена, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева за рѣзкость, брань, дилетантство, отсутствіе научной , пирамидальной серьезности? А великаго Щедрина — не только за ненужную рѣзкость и брань, но

и за цинизмъ? Что же касается до небесныхъ дамочекъ и неземныхъ дѣвицъ, скажу, что имъ можно фигурировать полуголыми въ публичныхъ собраніяхъ, чисто на восточныхъ рынкахъ для женщинъ, съ цѣлью матримоніальной рекламы и avis aux amateurs, забавляться вполнѣ сальненькимъ и гнусненькимъ флиртомъ, зачитываться скабрезными, безсмысленными романишками, но отнюдь не слѣдуетъ читать книги, гдѣ безцеремонно, несалонно бичуются, практикуемые ими въ жизни, отвратительный цинизмъ и всевозможные пороки...

Удивительный народъ французы! Какъ они ловко умѣютъ, въ своихъ интересахъ, играть комедіи, и какъ входятъ во всякія роли, и въ очень важныя, и въ крайне лакейскія; папеньку нынѣшняго они вначалѣ честили такъ, что у нашихъ царелюбцевъ волосы, не смотря на помаду, становились дыбомъ, а у одного генерала, — по слухамъ — даже парикъ взъерошился отъ негодованія и ужаса. На митингахъ, въ собраньяхъ, во всѣхъ радикальныхъ газетахъ, его обзывали: „казакомъ, пандуромъ, кроатомъ, баши-бузукомъ, Жакомъ-вспарывателемъ женскихъ животовъ, заплечнымъ мастеромъ, палачемъ, мясникомъ, живодеромъ, декадентомъ, выродкомъ.“ Но не удовольствовавшись, перешли въ міръ животныхъ, звали: „мостодонтомъ, злымъ египетскимъ верблюдомъ, дромадеромъ, бѣлымъ сіамскимъ слономъ, однорогимъ носорогомъ, тапиромъ, ягуаромъ, кугуаромъ, крокодиломъ, бѣшенымъ волкомъ, гіеною, шакаломъ, выдрою, окулою, кашалотомъ и т. д.“ Но утонченная изобрѣтательность, увы, даже міромъ животныхъ не ограничилась, — спустилась въ міръ животно-растеній: безпредѣльно, безконечно обожаемаго самодержца сравнили съ огромною губкою, впитывающей и выбрасывающей человѣческую кровь. Рошфоръ каждый мѣсяцъ, перваго числа, справлялся объ участи беременной, запытанной Геси Гельфманъ. Въ Марселѣ десятитысячная толпа осадила русское консульство съ криками: „смерть чудовищу царю! на фонарь представителя азіатской деспотіи!“ Во всѣхъ большихъ городахъ народныя собранія, — одно время —

заканчивались дружнымъ крикомъ : „Смерть чудовищу — царю! смерть истязателю беременной женщины!“

Возрастающіе изо дня въ день комплименты и добрыя, задушевныя пожеланія, стали понемногу дѣйствовать на нашихъ столбовъ отечества; у многихъ стала мелькать мысль, что подобное настроеніе отрѣжетъ, въ концѣ концовъ, всей семейкѣ Романовыхъ и ихъ лучшимъ шпіонамъ путь въ Парижъ и наступитъ конецъ жуированьямъ; страстныя, игривыя кокотки, упоительные кафе-шантаны станутъ не болѣе, какъ раздражающею грезою, подъузкиваніемъ изъ прекраснаго далека... Задумались они глубоко, глубоко и рѣшили отправить десятокъ проженныхъ третьеотдѣленцевъ для зондированья пути къ примиренью; къ третьеотдѣленцамъ пристегнулись : распродувная тварь — выкрестъ Ціонъ, напыщенно преданный, заштатный дипломатъ — Татищевъ и пять, шесть оголтѣлыхъ писакъ, съ девизомъ : „За деньги все напишемъ; за деньги все поддержимъ,“ Оказалось : ларчикъ просто открывался. Осѣдлавъ дебелую кобылу — Лотарингію и ретиваго жеребца — Альзаса, шпіоны въѣхали на нихъ съ тріумфомъ не только въ Парижъ, но и въ самое нутро французовъ — въ ихъ карманы. Чудо свершилось воочію : на маленькій обрывокъ совсѣмъ тухлой свинины, на авось да небось, русское правительство выудило у французовъ шесть милліардовъ и устроило, съ преподнесеніемъ колоссальныхъ взятокъ, Тулонъ и нынѣшнюю встрѣчу.

Послѣ ареста въ Парижѣ русскихъ террористовъ, изучавшихъ взрывчатыя вещества, Ціонъ сбросилъ маску, нагло воскликнулъ: „Послѣ того, какъ французы отдали намъ свои сбереженія, свое золото, они должны къ нимъ немедленно приложить свою честь, и отринувъ отъ себя свое позорное, революціонное прошлое, стать поставщиками висѣлицъ; они не должны ни на минуту забывать, что если бы усовершенствованными бомбами удалось взорвать хозяина земли русской, все его хозяйство окончательно разстроилось бы, и бумаги, обезпечивающія французскій заемъ, мгновенно пали бы, а въ случаѣ революціи и совсѣмъ потеряли бы цѣнность.

Царь и третье отдѣленіе были на время спасены; кокотки, кафе-шантаны снова приблизились, услаждая и разнообразя жизнь мышиныхъ жеребчиковъ изъ дома Романовыхъ и ихъ свиты. Алек-

сѣй, Владиміръ и прочая дрянь, стали снова осквернять своими особами парижскіе бульвары. Клички и прилагательныя, столь щедро расточаемыя, на время вошли внутрь, и когда царь несовсѣмъ мирно въ бозѣ почилъ, отъ отравы въ Ливадіи, ему, за неразысканіемъ другихъ душевныхъ качествъ, приписали миротворство, и на этомъ одноструннномъ инструментѣ, щедро оплачиваемыя французскія газеты разыграли много пѣсенокъ, напомнившихъ мелодичностью и богатствомъ внутренняго содержанія нашего самобытнаго „комаринскаго мужичка“ воспользовались даже, за неимѣніемъ лучшаго, тѣмъ, что Александра III раздуло, и онъ сталъ не только „десятью пудами высочайшаго сала, но гиппопотамомъ; ему приписали ломанье подковъ, желѣзныхъ осей, — сдѣлали его конкурентомъ Зандова.

Никто не намекнулъ, что роль миротворца очень умаливалась тѣмъ невиннымъ обстоятельствомъ, что Гатчинецъ началъ свое царствованіе вскорѣ послѣ тяжкой войны съ Турціей и промаялся въ заключеніи всего 13 лѣтъ, что финансы войною съ Турціей, всероссійскими голодовками, неслыханно безобразнымъ внутреннимъ управленіемъ были доведены до состоянія, граничащаго съ наиполнѣйшимъ банкротствомъ и не допускали мысли о войнѣ не только съ Европой, но и съ дикарями. Такъ же никто не намекнулъ на инцидентъ съ Каульбарсомъ, который дикимъ, чисто самодержавнымъ самодурствомъ, казацкою разнузданностью, желаніемъ ввести въ Болгарію кнутобойство, висѣлицу, безгласность и безправіе, чуть не заварилъ Европейскую войну, отъ которой Европа спаслась, по истинѣ, только чудомъ.

Покойный Гатчинецъ умѣлъ откладывать въ иностранные банки десятки милліоновъ на черные дни и столько же на свѣтлые и благодаря этимъ съэкономливаньямъ, онъ деньгѣ цѣну зналъ, деньгу сильно чтилъ и передъ деньгой сильно преклонялся. На что кажется былъ азіатъ, но послѣ заполученья отъ Франціи шести милліардовъ чистымъ золотомъ, онъ, въ Петергофѣ, передъ французами, снялъ почтительно барашковую шапочку и надтреснутымъ голоскомъ сталъ подтягивать Марсельезу, а кому не извѣстно, что въ семъ національномъ гимнѣ есть пассажи не только

крайне оскорбительные для монарховъ, но и поносные, угрожающіе, но и съ трона низвергающіе.

Покойный Гатчинецъ, вначалѣ царствованія, даже в[illegible] дняхъ не могъ себя представить въ Парижѣ; появись миротворецъ и его умиротворили бы не бомбами, но тухлыми яйцами и разсыпчатыми проросшими картошками; онъ, — если можно такъ выразиться — потонулъ бы въ тухломъ желткѣ и картофельномъ пюрѣ; а нынѣ мающійся, хотя и съ дрожаньями, передергиваньями, рвотами, слабиньями и молитвами, все таки привезенъ былъ въ Парижъ!

Когда же, — спрашивается — французы врали: давая покойному Гатчинскому узнику невозможныя и всевозможныя клички, или когда жаловали въ миротворцы? — Тогда ли, когда мѣшали его и всю фамилію съ содержимымъ водосточныхъ трубъ? или, когда орали: „Vive le tsar и Боже, царя храни“?

Ребенокъ догадается, что Тулонъ, Кронштадтъ, франко-русская недѣля не болѣе, какъ корыстная, шовинистская ложь, дутое лицемѣріе, позорное фиглярство. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція, живая, свободная, стремящаяся къ свѣтлому, великому будущему, попрежнему ненавидитъ, презираетъ нашу пещерную деспотію и попрежнему глубоко, искренно симпатизируетъ своимъ братьямъ по духу и идеалу — русскимъ революціонерамъ, и пока жива душа Франціи, любовь къ нимъ не изсякнетъ. Пусть только завтра затрещитъ по всѣмъ швамъ деспотія, и увидите, какую отходную начнутъ ей читать сами шовинисты, нынѣ фиглярствующіе передъ порфироноснымъ ничтожествомъ.

Не за горами день, когда Франція, наконецъ пойметъ, какъ она была нагло, жестоко одурачена нашимъ, на все способнымъ вѣроломнымъ, лживымъ, воровскимъ, разбойничьимъ правительствомъ. Она скоро раскуситъ субъектовъ, мастерившихъ союзъ, узнаетъ, гдѣ они служатъ, какими гешефтами занимаются, какимъ обременены прошлымъ; она извѣдаетъ всю бездонность ихъ кармана, всю мерзость ихъ душевнаго омута, она узнаетъ, что не одинъ грабежъ имѣло ввиду русское правительство, но еще болѣе ужасное дѣло — водвореніе монархіи Бонапарта, котораго она держитъ въ своей арміи, въ запасѣ. — Одна рука грабитъ рес-

публику, другая держитъ за пазухой ножъ для ея пораженія сзади. Съ водвореніемъ же Бонапарта, конечно, послѣдуетъ лелѣемое на яву и во снѣ, изгнаніе русскихъ революціонеровъ изъ Франціи.

Наконецъ вернулись и защемило сердце смертельною тоскою: Петербургъ окуталъ насъ своей душащею, свинцовой атмосферой; кажется, что само небо плачетъ о насъ, несчастныхъ русскихъ. Послѣ Парижа, сильнѣе прежняго гнетутъ всеобщая безгласность, рабская трусость; съ искривленнымъ ртомъ, вмѣсто улыбки, лицемѣрная благонамѣренность, трясущаяся, съ поджатымъ хвостомъ благонадежность и всюду, до ужаса, пониженная жизнь. О, боги! когда и чѣмъ все это кончится? Но яснѣе солнца, что длиться это не можетъ!

Опять стали рѣзать глаза недремлющіе спасители отечества— дворники; искоренители всѣхъ вольныхъ идей и утопій, кровожадные казачищи съ плетьми; изобрѣтатели всяческихъ гибельныхъ западней, агенты — провокаторы и разыскивающіе корни и развѣтленія, тучи шпіоновъ. Отовсюду ползетъ, все заливая, все заражая бухарская темь, азіатская ночь, безъ разсвѣта.

О, милліоны разъ проклятый, чудовищный, могильный строй! На рубежѣ XX вѣка ты осмѣливаешься святотатственно преслѣдовать въ человѣкѣ все человѣческое! Ты слѣпо, безумно, дерзаешь гнать науку, разумъ, свободу, мысль, совѣсть! Сгинь проклятый! Сгинь, „ужасъ міра, стыдъ природы!“

Ну и представили счетики, по возвращеніи! У министра финансовъ не только носъ повисъ, но и на бокъ загнулся, ходитъ, какъ вытащенный изъ Невы, и все про себя шепчетъ: „Вотъ и катай бюджеты безъ дефицитовъ! Потѣшай всю Россію и Европу на живую нитку сшитой брехней! Послѣ одной коронаціи въ двадцать лѣтъ финансовъ не поправишь, а тутъ, въ какіе нибудь четырнадцать лѣтъ, двѣ коронаціи на матушку-Россію обрушились, а къ нимъ прибавились еще путешествія! Нѣтъ такъ управлять финансами нельзя! На дняхъ непремѣнно скраду десятокъ милліоновъ и сбѣгу въ свободную Америку!“

Пр. Ѳ. Алисовъ.